Павел Бажов

Малахитовая шкатулка

У Настасьи, Степановой-то вдовы, шкатулка малахитова осталась. Со всяким женским прибором. Кольца там, серьги и протча по женскому обряду. Сама Хозяйка Медной горы одарила Степана этой шкатулкой, как он еще жениться собирался.
Настасья в сиротстве росла, не привыкла к экому-то богатству, да и не шибко любительница была моду выводить. С первых годов, как жили со Степаном, надевывала, конечно, из этой шкатулки. Только не к душе ей пришлось. Наденет кольцо... Ровно как раз впору, не жмет, не скатывается, а пойдет в церкву или в гости куда - замается. Как закованный палец-то, в конце нали (даже. - Ред.) посинеет. Серьги навесит - хуже того. Уши так оттянет, что мочки распухнут. А на руку взять - не тяжелее тех, какие Настасья всегда носила. Буски в шесть ли семь рядов только раз и примерила. Как лед кругом шеи-то, и не согреваются нисколько. На люди те буски вовсе не показывала. Стыдно было.
- Ишь, скажут, какая царица в Полевой выискалась!
Степан тоже не понуждал жену носить из этой шкатулки. Раз даже как-то сказал:
- Убери-ко куда от греха подальше. Настасья и поставила шкатулку в самый нижний сундук, где холсты и протча про запас держат. Как Степан умер да камешки у него в мертвой руке оказались, Настасье и причтелось (пришлось. - Ред.) ту шкатулку чужим людям показать. А тот знающий, который про Степановы камешки обсказал, и говорит Настасье, потом, как народ схлынул:
- Ты гляди, не мотни эту шкатулку за пустяк. Больших тысяч она стоит.
Он, этот человек-от, ученой был, тоже из вольных. Ране-то в щегарях (горных мастерах. - Ред.) ходил, да его отстранили; ослабу-де народу дает. Ну, и винцом не брезговал. Тоже добра кабацка затычка был, не тем будь помянут, покойна головушка. А так во всем правильный. Прошенье написать, пробу смыть, знаки оглядеть - все по совести делал, не как иные протчие, абы на полштофа сорвать. Кому-кому, а ему всяк поднесет стаканушку праздничным делом. Так он на нашем заводе и до смерти дожил. Около народа питался.
Настасья от мужа слыхала, что этот щегарь правильный и в делах смышленый, даром что к винишку пристрастье поимел. Ну, и послушалась его.
- Ладно, - говорит, - поберегу на черный день. - И поставила шкатулку на старо место.
Схоронили Степана, сорочины отправили честь честью. Настасья - баба в соку, да и с достатком, стали к ней присватываться. А она, женщина умная, говорит всем одно:
- Хоть золотой второй, а все робятам вотчим.
Ну, отстали по времени.
Степан хорошее обеспечение семье оставил. Дом справный, лошадь, корова, обзаведенье полное. Настасья баба работящая, робятишки пословные (послушные. - Ред.), не охтимнеченьки (не тяжело. - Ред.) живут. Год живут, два живут, три живут. Ну, забеднели все-таки. Где же одной женщине с малолетками хозяйство управить! Тоже ведь и копейку добыть где-то надо. На соль хоть. Тут родня и давай Настасье в уши напевать:
- Продай шкатулку-то! На что она тебе? Что впусте добру лежать! Все едино и Танюшка, как вырастет, носить не будет. Вон там штучки какие! Только барам да купцам впору покупать. С нашим-то ремьем (лохмотьями. - Ред.) не наденешь эко место. А люди деньги бы дали. Разоставок (подспорье. - Ред.) тебе.
Однем словом, наговаривают. И покупатель, как ворон на кости, налетел. Из купцов всё. Кто сто рублей дает, кто двести.
- Робят-де твоих жалеем, по вдовьему положению нисхождение делаем.
Ну, оболванить ладят бабу, да не на ту попали. Настасья хорошо запомнила, что ей старый щегарь говорил, не продает за такой пустяк. Тоже и жалко. Как-никак женихово подаренье, мужнина

память. А пуще того девчоночка у ней младшенькая слезами улилась, просит:
- Мамонька, не продавай! Мамонька, не продавай! Лучше я в люди пойду, а тятину памятку побереги.
От Степана, вишь, осталось трое робятишек-то.
Двое парнишечки. Робята как робята, а эта, как говорится, ни в мать, ни в отца. Еще при Степановой бытности, как вовсе маленькая была, на эту девчонку люди дивовались. Не то что девки-бабы, а и мужики Степану говорили:
- Не иначе эта у тебя, Степан, из кистей выпала (красивая девочка сравнивается с гарусинкой, выпавшей из кистей пояса, который носили раньше на Урале и мужчины и женщины. - В.А.Бажова). В кого только зародилась! Сама черненька да бассенька (красивенькая. - Ред.), а глазки зелененьки. На наших девчонок будто и вовсе не походит.
Степан пошутит, бывало:
- Это не диво, что черненька. Отец-то ведь с малых лет в земле скыркался (скребся в земле. - Ред.). А что глазки зеленые - тоже дивить не приходится. Мало ли я малахиту барину Турчанинову набил. Вот памятка мне и осталась.
Так эту девчоночку Памяткой и звал.- Ну-ка ты, Памятка моя! - И когда случалось ей что покупать, так завсегда голубенького либо зеленого принесет.
Вот и росла та девчоночка на примете у людей. Ровно и всамделе гарусинка из праздничного пояса выпала - далеко ее видно. И хоть она не шибко к чужим людям ластилась, а всяк ей - Танюшка да Танюшка. Самые завидущие бабешки и те любовались. Ну, как, - красота! Всякому мило. Одна мать повздыхивала:
- Красота-то - красота, да не наша. Ровно кто подменил мне девчонку.
По Степану шибко эта девчоночка убивалась. Чисто уревелась вся, с лица похудела, одни глаза остались. Мать и придумала дать Танюшке ту шкатулку малахитову - пущай-де позабавится. Хоть маленькая, а девчоночка, - с малых лет им лестно на себя-то навздевать. Танюшка и занялась разбирать эти штучки. И вот диво - которую примеряет, та и по ней. Мать-то иное и не знала к чему, а эта все знает. Да еще говорит:
- Мамонька, сколь хорошо тятино-то подаренье! Тепло от него, будто на пригревинке сидишь, да еще кто тебя мягким гладит.
Настасья сама нашивала, помнит, как у нее пальцы затекали, уши болели, шея не могла согреться. Вот и думает: "Неспроста это. Ой, неспроста!" - да поскорее шкатулку-то опять в сундук. Только Танюшка с той поры нет-нет и запросит:
- Мамонька, дай поиграть тятиным подареньем!
Настасья когда и пристрожит, ну, материнско сердце - пожалеет, достанет шкатулку, только накажет:
- Не изломай чего!
Потом, когда подросла Танюшка, она и сама стала шкатулку доставать. Уедет мать со старшими парнишечками на покос или еще куда, Танюшка останется домовничать. Сперва, конечно, управит, что мать наказывала. Ну, чашки-ложки перемыть, скатерку стряхнуть, в избе-сенях веничком подмахнуть, куричешкам корму дать, в печке поглядеть. Справит все поскорее, да и за шкатулку. Из верхних-то сундуков к тому времени один остался, да и тот легонький стал. Танюшка сдвинет его на табуреточку, достанет шкатулку и перебирает камешки, любуется, на себя примеряет.
Раз к ней и забрался хитник (вор. - Ред.). То ли он в ограде спозаранку прихоронился, то ли потом незаметно где пролез, только из суседей никто не видал, чтобы он по улице проходил. Человек незнамый, а по делу видать - кто-то навел его, весь порядок обсказал.
Как Настасья уехала, Танюшка побегала много-мало по хозяйству и забралась в избу поиграть

отцовскими камешками. Надела наголовник, серьги навесила. В это время и пых в избу этот хитник. Танюшка оглянулась - на пороге мужик незнакомый, с топором. И топор-то ихний. В сенках, в уголочке стоял. Только что Танюшка его переставляла, как в сенках мела. Испугалась Танюшка, сидит, как замерла, а мужик сойкнул (вскрикнул от неожиданности. - Ред.), топор выронил и обеими руками глаза захватил, как обожгло их. Стонет-кричит:
- Ой, батюшки, ослеп я! Ой, ослеп! - а сам глаза трет.
Танюшка видит - неладно с человеком, стала спрашивать:
-Ты как, дяденька, к нам зашел, пошто топор взял?
А тот, знай, стонет да глаза свои трет. Танюшка его и пожалела - зачерпнула ковшик воды, хотела подать, а мужик так и шарахнулся спиной к двери.
- Ой, не подходи! - Так в сенках и сидел и двери завалил, чтобы Танюшка ненароком не выскочила. Да она нашла ход - выбежала через окошко и к суседям. Ну, пришли. Стали спрашивать, что за человек, каким случаем? Тот промигался маленько, объясняет - проходящий-де, милостинку хотел попросить, да что-то с глазами попритчилось.
- Как солнцем ударило. Думал - вовсе ослепну. От жары, что ли.
Про топор и камешки Танюшка суседям не сказала. Те и думают:
"Пустяшное дело. Может, сама же забыла ворота запереть, вот проходящий и зашел, а тут с ним и случилось что-то. Мало ли бывает".
До Настасьи все-таки проходящего не отпустили. Когда она с сыновьями приехала, этот человек ей рассказал, что суседям рассказывал. Настасья видит - все в сохранности, вязаться не стала. Ушел тот человек, и суседи тоже.
Тогда Танюшка матери и выложила, как дело было. Тут Настасья и поняла, что за шкатулкой приходил, да взять-то ее, видно, не просто.
А сама думает:
"Оберегать-то ее все ж таки покрепче надо".
Взяла да потихоньку от Танюшки и других робят и зарыла ту шкатулку в голбец (подполье. - Ред.). Уехали опять все семейные. Танюшка хватилась шкатулки, а ее быть бывало. Горько это показалось Танюшке, а тут вдруг теплом ее опахнуло. Что за штука? Откуда? Огляделась, а из-под полу свет. Танюшка испугалась - не пожар ли? Заглянула в голбец, там в одном уголке свет. Схватила ведро, плеснуть хотела - только ведь огня-то нет и дымом не пахнет. Покопалась в том месте, видит - шкатулка. Открыла, а камни-то ровно еще краше стали. Так и горят разными огоньками, и светло от них, как при солнышке. Танюшка и в избу не потащила шкатулку. Тут в голбце и наигралась досыта.
Так с той поры и повелось. Мать думает: "Вот хорошо спрятала, никто не знает", - а дочь, как домовничать, так и урвет часок поиграть дорогим отцовским подареньем. Насчет продажи Настасья и говорить родне не давала.
- По миру впору придет - тогда продам.
Хоть круто ей приходилось, - а укрепилась. Так еще сколько-то годов перемогались, дальше на поправу пошло. Старшие робята стали зарабатывать маленько, да и Танюшка не сложа руки сидела. Она, слышь-ко, научилась шелками да бисером шить. И так научилась, что самолучшие барские мастерицы руками хлопали - откуда узоры берет, где шелка достает?
А тоже случаем вышло. Приходит к ним женщина. Небольшого росту, чернявая, в Настасьиных уж годах, а востроглазая и, по всему видать, шмыгало такое, что только держись. На спине котомочка холщовая, в руке черемуховый бадожок, вроде как странница. Просится у Настасьи:
- Нельзя ли, хозяюшка, у тебя денек-другой отдохнуть? Ноженьки не несут, а идти не близко.
Настасья сперва подумала, не подослана ли опять за шкатулкой, потом все-таки пустила.

- Места не жалко. Не пролежишь, поди, и с собой не унесешь. Только вот кусок-то у нас сиротский. Утром - лучок с кваском, вечером - квасок с лучком, вся и перемена. Отощать не боишься, так милости просим, живи сколь надо.
А странница уж бадожок свой поставила, котомку на припечье положила и обуточки снимает. Настасье это не по нраву пришлось, а смолчала.
"Ишь неочесливая (неучтивая. - Ред.)! Приветить ее не успела, а она на-ко - обутки сняла и котомку развязала".
Женщина, и верно, котомочку расстегнула и пальцем манит к себе Танюшку:
- Иди-ко, дитятко, погляди на мое рукоделье. Коли поглянется, и тебя выучу... Видать, цепкий глазок-то на это будет!
Танюшка подошла, а женщина и подает ей ширинку маленькую, концы шелком вышиты. И такой-то, слышь-ко, жаркий узор на той ширинке, что ровно в избе светлее и теплее стало.
Танюшка так глазами и впилась, а женщина посмеивается.
- Поглянулось, знать, доченька, мое рукодельице? Хочешь - выучу?
- Хочу, - говорит. Настасья так и взъелась:
- И думать забудь! Соли купить не на что, а ты придумала шелками шить! Припасы-то, поди-ка, денег стоят.
- Про то не беспокойся, хозяюшка, - говорит странница. - Будет понятие у доченьки - будут и припасы. За твою хлеб-соль оставлю ей - надолго хватит. А дальше сама увидишь. За наше-то мастерство денежки платят. Не даром работу отдаем. Кусок имеем.
Тут Настасье уступить пришлось.
- Коли припасов уделишь, так о чем не поучиться. Пущай поучится, сколь понятия хватит. Спасибо тебе скажу.
Вот эта женщина и занялась Танюшку учить. Скорехонько Танюшка все переняла, будто раньше которое знала. Да вот еще что. Танюшка не то что к чужим, к своим неласковая была, а к этой женщине так и льнет, так и льнет. Настасья скоса запоглядывала:
"Нашла себе новую родню. К матери не подойдет, а к бродяжке прилипла!"
А та еще ровно дразнит, все Танюшку дитятком да доченькой зовет, а крещеное имя ни разочку не помянула. Танюшка видит, что мать в обиде, а не может себя сдержать. До того, слышь-ко, вверилась этой женщине, что ведь сказала ей про шкатулку-то!
- Есть, - говорит, - у нас дорогая тятина памятка - шкатулка малахитова. Вот где каменья! Век бы на них глядела.
- Мне покажешь, доченька? - спрашивает женщина.
Танюшка даже не подумала, что это неладно.
- Покажу, - говорит, - когда дома никого из семейных не будет.
Как вывернулся такой часок, Танюшка и позвала ту женщину в голбец. Достала Танюшка шкатулку, показывает, а женщина поглядела маленько да и говорит:
- Надень-ко на себя - виднее будет. Ну, Танюшка, - не того слова (немедленно. - Ред.), - стала надевать, а та, знай, похваливает:
- Ладно, доченька, ладно! Капельку только поправить надо.
Подошла поближе да и давай пальцем в камешки тыкать. Который заденет - тот и загорится по-другому. Танюшке иное видно, иное - нет. После этого женщина и говорит:
- Встань-ко, доченька, пряменько.
Танюшка встала, а женщина и давай ее потихоньку гладить по волосам, по спине. Всю огладила, а сама наставляет:
- Заставлю тебя повернуться, так ты, смотри, на меня не оглядывайся. Вперед гляди, примечай, что

будет, а ничего не говори. Ну, поворачивайся!
Повернулась Танюшка - перед ней помещение, какого она отродясь не видывала. Не то церква, не то что. Потолки высоченные на столбах из чистого малахиту. Стены тоже в рост человека малахитом выложены, а по верхнему карнизу малахитовый узор прошел. Прямо перед Танюшкой, как вот в зеркале, стоит красавица, про каких только в сказках сказывают. Волосы как ночь, а глаза зеленые. И вся-то она изукрашена дорогими каменьями, а платье на ней из зеленого бархату с переливом. И так это платье сшито, как вот у цариц на картинах. На чем только держится. Со стыда бы наши заводские сгорели на людях такое надеть, а эта зеленоглазая стоит себе спокойнешенько, будто так и надо. Народу в том помещенье полно. По-господски одеты, и все в золоте да заслугах. У кого спереду навешано, у кого сзаду нашито, а у кого и со всех сторон. Видать, самое вышнее начальство. И бабы ихние тут же. Тоже голоруки, гологруды, каменьями увешаны. Только где им до зеленоглазой! Ни одна в подметки не годится.
В ряд с зеленоглазой какой-то белобрысенький. Глаза враскос, уши пенечками, как есть заяц. А одежа на нем - уму помраченье. Этому золота-то мало показалось, так он, слышь-ко, на обую (обувь. - Ред.) камни насадил. Да такие сильные, что, может, в десять лет один такой найдут. Сразу видать - заводчик это. Лопочет тот заяц зеленоглазой-то, а она хоть бы бровью повела, будто его вовсе нет.
Танюшка глядит на эту барыню, дивится на нее и только тут заметила:
- Ведь каменья-то на ней тятины! - сойкала Танюшка, и ничего не стало. А женщина та посмеивается:
- Не доглядела, доченька! Не тужи, по времени доглядишь.
Танюшка, конечно, доспрашивается - где это такое помещение?
- А это, - говорит, - царский дворец. Та самая палата, коя здешним малахитом изукрашена. Твой покойный отец его добывал-то.
- А это кто в тятиных уборах и какой это с ней заяц?
- Ну, этого не скажу, сама скоро узнаешь.
В тот же день, как пришла Настасья домой, эта женщина собираться в дорогу стала. Поклонилась низенько хозяйке, подала Танюшке узелок с шелками да бисером, потом достала пуговку махоньку. То ли она из стекла, то ли из дурмашка на простую грань обделана.
Подает ее Танюшке да и говорит:
- Прими-ко, доченька, от меня памятку. Как что забудешь по работе либо трудный случай подойдет, погляди на эту пуговку. Тут тебе ответ и будет. Сказала так-то и ушла. Только ее и видели. С той поры Танюшка и стала мастерицей, а уж в годы входить стала, вовсе невестой глядит. Заводские парни о Настасьины окошки глаза обмозолили, а подступить к Танюшке боятся. Вишь, неласковая она, невеселая, да и за крепостного где же вольная пойдет. Кому охота петлю надевать?

В барском доме тоже проведали про Танюшку из-за мастерства-то ее. Подсылать к ней стали. Лакея помоложе да поладнее оденут по-господски, часы с цепочкой дадут и пошлют к Танюшке, будто за делом каким. Думают, не обзарится ли девка на экого молодца. Тогда ее обратать (подчинить себе. - Ред.) можно. Толку все ж таки не выходило. Скажет Танюшка что по делу, а другие разговоры того лакея безо внимания. Надоест, так еще надсмешку подстроит:
- Ступай-ко, любезный, ступай! Ждут ведь. Боятся, поди, как бы у тебя часы потом не изошли и цепка не помедела. Вишь, без привычки-то как ты их мозолишь.
Ну, лакею или другому барскому служке эти слова, как собаке кипяток. Бежит, как ошпаренный, фырчит про себя:
- Разве это девка? Статуй каменный, зеленоглазый! Такую ли найдем!

Фырчит так-то, а самого уж захлестнуло. Которого пошлют, забыть не может Танюшкину красоту. Как привороженного к тому месту тянет - хоть мимо пройти, в окошко поглядеть. По праздникам чуть не всему заводскому холостяжнику дело на той улице. Дорогу у самых окошек проторили, а Танюшка и не глядит.
Суседки уж стали Настасью корить:
- Что это у тебя Татьяна шибко высоко себя повела? Подружек у ней нет, на парней глядеть не хочет. Царевича-королевича ждет аль в Христовы невесты ладится?
Настасья на эти покоры только вздыхает:
- Ой, бабоньки, и сама не ведаю. И так-то у меня девка мудреная была, а колдунья эта проходящая вконец ее извела. Станешь ей говорить, а она уставится на свою колдовскую пуговку и молчит. Так бы и выбросила эту проклятую пуговку, да по делу она ей на пользу. Как шелка переменить или что, так в пуговку и глядит. Казала и мне, да у меня, видно глаза тупы стали, не вижу. Налупила бы девку, да, вишь, она у нас старательница. Почитай, ее работой только и живем. Думаю-думаю так-то и зареву. Ну, тогда она скажет: "Мамонька, ведь знаю я, что тут моей судьбы нет. То никого и не привечаю и на игрища не хожу. Что зря людей в тоску вгонять? А что под окошком сижу, так работа моя того требует. За что на меня приходишь (винишь меня. - Ред.)? Что я худого сделала?" Вот и ответь ей!
Ну, жить все ж таки ладно стали. Танюшкино рукоделье на моду пошло. Не то что в заводе аль в нашем городе, по другим местам про него узнали, заказы посылают и деньги платят немалые. Доброму мужику впору столько-то заробить. Только тут беда их пристигла - пожар случился. А ночью дело было. Пригон (постройка для скота. - Ред.), завозня (надворная постройка доя телеги. - Ред.), лошадь, корова, снасть всяка - все сгорело. С тем только и остались, в чем выскочили.
Шкатулку, однако, Настасья выхватила, успела-таки. На другой день и говорит:
- Видно, край пришел - придется продать шкатулку.
Сыновья в один голос:
- Продавай, мамонька. Не продешеви только.
Танюшка украдкой на пуговку поглядела, а там зеленоглазая маячит - пущай продают. Горько стало Танюшке, а что поделаешь? Все равно уйдет отцова памятка этой зеленоглазой. Вздохнула и говорит:
- Продавать так продавать. - И даже не стала на прощанье те камни глядеть. И то сказать - у суседей приютились, где тут раскладываться.
Придумали так - продать-то, а купцы уж тут как тут. Кто, может, сам и поджог-от подстроил, чтобы шкатулкой завладеть. Тоже ведь народишко-то - ноготок, доцарапается! Видят, - робята подросли, - больше дают. Пятьсот там, семьсот, один до тысячи дошел. По заводу деньги немалые, можно на их обзавестись. Ну, Настасья запросила все-таки две тысячи. Ходят, значит, к ней, рядятся. Накидывают помаленьку, а сами друг от друга таятся, сговориться меж собой не могут. Вишь кусок-от такой - ни одному отступиться неохота. Пока они так-то ходили, в Полевую и приехал новый приказчик.
Когда ведь они - приказчики-то - подолгу сидят, а в те годы им какой-то перевод случился. Душного козла, который при Степане был, старый барин на Крылатовско за вонь отставил. Потом был Жареный Зад. Рабочие его на болванку посадили. Тут заступил Северьян Убойца. Этого опять Хозяйка Медной горы в пусту породу перекинула. Там еще двое ли, трое каких-то были, а потом и приехал этот.
Он, сказывают, из чужестранных земель был, на всяких языках будто говорил, а по-русски похуже. Чисто-то выговаривал одно - пороть. Свысока так, с растяжкой - па-роть. О какой недостаче ему заговорят, одно кричит: пароть! Его Паротей и прозвали.

На деле этот Паротя не шибко худой был. Он хоть кричал, а вовсе народ на пожарну (место, где истязали рабочих. - Ред.) не гонял. Тамошним охлестышам (обидчикам. - Ред.) вовсе и дела не стало. Вздохнул маленько народ при этом Пароте.
Тут, вишь, штука-то в чем. Старый барин к той поре вовсе утлый стал, еле ногами перебирал. Он и придумал сына женить на какой-то там графине ли, что ли. Ну, а у этого молодого барина была полюбовница, и он к ей большую приверженность имел. Как делу быть? Неловко все ж таки. Что новые сватовья скажут? Вот старый барин и стал сговаривать ту женщину - сынову-то полюбовницу - за музыканта. У барина же этот музыкант служил. Робятишек на музыках обучал и так разговору чужестранному, как ведется по ихнему положению.
- Чем, - говорит, - тебе так-то жить на худой славе, выходи-ко ты замуж. Приданым тебя оделю, а мужа приказчиком в Полевую пошлю. Там дело направлено, пущай только построже народ держит. Хватит, поди, на это толку, что хоть и музыкант. А ты с ним лучше лучшего проживешь в Полевой-то. Первый человек, можно сказать, будешь. Почет тебе, уважение от всякого. Чем плохо?
Бабочка сговорная оказалась. То ли она в рассорке с молодым барином была, то ли хитрость поимела.
- Давно, - говорит, - об этом мечтанье имела, да сказать - не насмелилась.
Ну, музыкант, конечно, сперва уперся:
- Не желаю, - шибко про нее худа слава, потаскуха вроде.
Только барин - старичонко хитрой. Недаром заводы нажил. Живо обломал этого музыканта. Припугнул чем али улестил, либо подпоил - ихнее дело, только вскорости свадьбу справили, и молодые поехали в Полевую. Так вот Паротя и появился в нашем заводе. Недолго только прожил, а так - что зря говорить - человек не вредный. Потом, как Полторы Хари вместо его заступил - из своих заводских, так жалели даже этого Паротю.
Приехал с женой Паротя как раз в ту пору, как купцы Настасью обхаживали. Паротина баба тоже видная была. Белая да румяная - однем словом, полюбовница. Небось худу-то бы не взял барин. Тоже, поди, выбирал! Вот эта Паротина жена и прослышала - шкатулку продают. "Дай-ко, - думает, - посмотрю, может, всамделе стоящее что". Живехонько срядилась и прикатила к Настасье. Им ведь лошадки-то заводские завсегда готовы!
- Ну-ко, - говорит, - милая, покажи, какие такие камешки продаешь?
Настасья достала шкатулку, показывает. У Паротиной бабы и глаза забегали. Она, слышь-ко, в Сам-Петербурхе воспитывалась, в заграницах разных с молодым барином бывала, толк в этих нарядах имела. "Что же это, - думает, - такое? У самой царицы эдаких украшениев нет, - а тут нако - в Полевой, у погорельцев! Как бы только не сорвалась покупочка".
-Сколько, - спрашивает, - просишь?
Настасья говорит:
- Две бы тысячи охота взять.
- Ну, милая, собирайся! Поедем ко мне со шкатулкой. Там деньги сполна получишь.
Настасья, однако, на это не подалась.
- У нас, - говорит, такого обычая нет, чтобы хлеб за брюхом ходил. Принесешь деньги - шкатулка твоя.
Барыня видит - вон какая женщина, - живо скрутилась за деньгами, а сама наказывает:
- Ты уж, милая, не продавай шкатулку.
Настасья отвечает:
- Это будь в надежде. От своего слова не отопрусь. До вечера ждать буду, а дальше моя воля.
Уехала Паротина жена, а купцы-то и набежали все разом. Они, вишь, следили. Спрашивают:
- Ну, как?

- Запродала, - отвечает Настасья.
- За сколько?
- За две, как назначила.
- Что ты, - кричат, - ума решилась али что! В чужие руки отдаешь, а своим отказываешь! - И давай-ко цену набавлять.
Ну, Настасья на эту удочку не клюнула.
- Это, - говорит, - вам привышно дело в словах вертеться, а мне не доводилось. Обнадежила женщину, и разговору конец!
Паротина баба крутехонько обернулась. Привезла деньги, передала из ручки в ручку, подхватила шкатулку и айда домой. Только на порог, а навстречу Танюшка. Она, вишь, куда-то ходила, и вся эта продажа без нее была. Видит - барыня какая-то и со шкатулкой. Уставилась на нее Танюшка - дескать, не та ведь, какую тогда видела. А Паротина жена пуще того воззрилась:
- Что за наваждение? Чья такая? - спрашивает.
- Дочерью люди зовут, - отвечает Настасья. - Сама как есть наследница шкатулки-то, кою ты купила. Не продала бы, кабы не край пришел. С малолетства любила этими уборами играть. Играет да нахваливает - как-де от них тепло да хорошо. Да что об этом говорить. Что с возу пало - то пропало!
- Напрасно, милая, так думаешь, - говорит Паротина баба.- Найду я местичко этим каменьям. - А про себя думает: "Хорошо, что эта зеленоглазая силы своей не чует. Покажись такая в Сам-Петербурхе, царями бы вертела. Надо - мой-то дурачок Турчанинов ее не увидал".
С тем и разошлись.
Паротина жена, как приехала домой, похвасталась:
- Теперь, друг любезный, я не то что тобой, и Турчаниновым не понуждаюсь. Чуть что - до свиданья! Уеду в Сам-Петербурх либо, того лучше, в заграницу, продам шкатулочку и таких-то мужей, как ты, две дюжины куплю, коли надобность случится.
Похвасталась, а показать на себе новокупку все ж таки охота. Ну, как - женщина! Подбежала к зеркалу и первым делом наголовник пристроила. - Ой, ой, что такое! - Терпенья нет - крутит и дерет волосы-то. Еле выпростала. А неймется. Серьги надела - чуть мочки не разорвала. Палец в перстень сунула - заковало, еле с мылом стащила. Муж посмеивается: не таким, видно, носить!
А она думает: "Что за штука? Надо в город ехать, мастеру показать. Подгонит как надо, только бы камни не подменил".
Сказано - сделано. На другой день с утра укатила. На заводской-то тройке ведь недалеко. Узнала, какой самый надежный мастер, - и к нему. Мастер старый-престарый, а по своему делу дока. Оглядел шкатулку, спрашивает, у кого куплено. Барыня рассказала, что знала. Оглядел еще раз мастер шкатулку, а на камни не взглянул.
-Не возьмусь, - говорит - что хошь давайте. Не здешних это мастеров работа. Нам несподручно с ними тягаться.
Барыня, конечно, не поняла, в чем тут закорючка, фыркнула и побежала к другим мастерам. Только все как сговорились: оглядят шкатулку, полюбуются, а на камни не смотрят и от работы наотрез отказываются. Барыня тогда на хитрости пошла, говорит, что эту шкатулку из Сам-Петербурху привезла. Там всё и делали. Ну, мастер, которому она это плела, только рассмеялся.
- Знаю, - говорит, - в каком месте шкатулка делана, и про мастера много наслышан. Тягаться с ним всем нашим не по плечу. На одного кого тот мастер подгоняет, другому не подойдет, что хошь делай.
Барыня и тут не поняла всего-то, только то и уразумела - неладно дело, боятся кого-то мастера. Припомнила, что старая хозяйка сказывала, будто дочь любила эти уборы на себя надевать.

"Не по этой ли зеленоглазой подгонялись? Вот беда-то!"
Потом опять переводит в уме:
"Да мне-то что! Продам какой ни есть богатой дуре. Пущай мается, а денежки у меня будут!" С этим и уехала в Полевую.
Приехала, а там новость: весточку получили - старый барин приказал долго жить. Хитренько с Паротей-то он устроил, а смерть его перехитрила - взяла и стукнула. Сына так и не успел женить, и он теперь полным хозяином стал. Через малое время Паротина жена получила писемышко. Так и так, моя любезная, по вешней воде приеду на заводах показаться и тебя увезу, а музыканта твоего куда-нибудь законопатим. Паротя про это как-то узнал, шум-крик поднял. Обидно, вишь, ему перед народом-то. Как-никак приказчик, а тут вон что - жену отбирают. Сильно выпивать стал. Со служащими, конечно. Они рады стараться на даровщинку-то. Вот раз пировали. Кто-то из этих запивох и похвастай:
- Выросла-де у нас в заводе красавица, другую такую не скоро сыщешь.
Паротя и спрашивает:
- Чья такая? В котором месте живет? Ну, ему рассказали и про шкатулку помянули - в этой-де семье ваша жена шкатулку покупала. Паротя и говорит:
- Поглядеть бы, - а у запивох и заделье (предлог. - Ред.) нашлось.
- Хоть сейчас пойдем - освидетельствовать, ладно ли они новую избу поставили. Семья хоть из вольных, а на заводской земле живут. В случае чего и прижать можно.
Пошли двое ли, трое с этим Паротей. Цепь притащили, давай промер делать, не зарезалась ли Настасья в чужую усадьбу, выходят ли вершки меж столбами. Подыскиваются, однем словом. Потом заходят в избу, а Танюшка как раз одна была. Глянул на нее Паротя и слова потерял. Ну, ни в каких землях такой красоты не видывал. Стоит как дурак, а она сидит - помалкивает, будто ее дело не касается. Потом отошел малость Паротя, стал спрашивать:
- Что поделываете?
Танюшка говорит:
- По заказу шью, - и работу свою показала.
- Мне, - говорит Паротя, - можно заказ сделать?
- Отчего же нет, коли в цене сойдемся.
- Можете, - спрашивает опять Паротя, - мне с себя патрет шелками вышить?
Танюшка потихоньку на пуговку поглядела, а там зеленоглазая ей знак подает - бери заказ! - и на себя пальцем указывает. Танюшка и отвечает:
- Свой патрет не буду, а есть у меня в примете женщина одна в дорогих каменьях, в царицыном платье, эту вышить могу. Только недешево будет стоить такая работа.
- Об этом, - говорит, - не сумлевайтесь, хоть сто, хоть двести рублей заплачу, лишь бы сходственность с вами была.
- В лице, - отвечает, - сходственность будет, а одежа другая
Срядились за сто рублей. Танюшка и срок назначила - через месяц. Только Паротя нет-нет и забежит, будто о заказе узнать, а у самого вовсе не то на уме. Тоже обахмурило его, а Танюшка ровно и вовсе не замечает. Скажет два-три слова, и весь разговор. Запивохи-то Паротины подсмеиваться над ним стали:
- Тут-де не отломится. Зря сапоги треплешь!
Ну вот, вышила Танюшка тот патрет. Глядит Паротя -фу ты боже мой! Да ведь это она самая и есть, одежой да каменьями изукрашенная. Подает, конечно, три сотенных билета, только Танюшка два-то не взяла.
- Не привышны, - говорит, - мы подарки принимать. Трудами кормимся.

Прибежал Паротя домой, любуется на патрет, а от жены впотай держит. Пировать меньше стал, а в заводское дело вникать мало-мало начал.
Весной приехал на заводы молодой барин. В Полевую прикатил. Народ согнали, молебен отслужили, и потом в господском доме тонцы-звонцы (танцы, веселье. - Ред.)пошли. Народу тоже две бочки вина выкатили - помянуть старого, проздравить нового барина. Затравку, значит, сделали. На это все Турчаниновы мастера были. Как зальешь господскую чарку десятком своих, так и невесть какой праздник покажется, а на поверку выйдет - последние копейки умыл и вовсе ни к чему. На другой день народ на работу, а в господском дому опять пировля. Да так и пошло. Поспят сколько да опять за гулянку. Ну, там, на лодках катаются, на лошадях в лес ездят, на музыках бренчат, да мало ли. А Паротя все время пьяной. Нарочно к нему барин самых залихватских питухов поставил - накачивайте до отказу! Ну, те и стараются новому барину подслужиться.
Паротя хоть и пьяной, а чует, к чему дело клонится. Ему перед гостями неловко. Он и говорит за столом, при всех:
- Это мне безо внимания, что барин Турчанинов хочет у меня жену увезти. Пущай повезет! Мне такую не надо. У меня вот кто есть! - Да и достает из кармана тот шелковый патрет. Все так и ахнули, а Паротина баба и рот закрыть не может. Барин тоже въелся глазами-то. Любопытно ему стало.
- Кто такая? - спрашивает. Паротя знай похохатывает:
- Полон стол золота насыпь - и то не скажу!
Ну, а как не скажешь, коли заводские сразу Танюшку признали. Один перед другим стараются - барину объясняют. Паротина баба руками-ногами:
- Что вы! Что вы! Околесицу этаку говорите! Откуда у заводской девки платье такое да еще каменья дорогие? А патрет этот муж из-за границы привез. Еще до свадьбы мне показывал. Теперь с пьяных-то глаз мало ли что сплетет. Себя скоро помнить не будет. Ишь, опух весь!
Паротя видит, что жене шибко не мило, он и давай чехвостить:
- Страмина ты, страмина! Что ты косоплетки плетешь (сплетничаешь. - Ред.), барину в глаза песком бросаешь! Какой я тебе патрет показывал? Здесь мне его шили. Та самая девушка, про которую они вон говорят. Насчет платья - лгать не буду - не знаю. Платье какое хошь надеть можно. А камни у них были. Теперь у тебя в шкапу заперты. Сама же их купила за две тысячи, да надеть не смогла. Видно, не подходит корове черкасско седло. Весь завод про покупку-то знает!
Барин как услышал про камни, так сейчас же:
- Ну-ко, покажи!
Он, слышь-ко, малоумненький был, мотоватый. Однем словом, наследник. К камням-то сильное пристрастие имел. Щегольнуть ему было нечем, - как говорится, ни росту, ни голосу, - так хоть каменьями. Где ни прослышит про хороший камень, сейчас купить ладится. И толк в камнях знал, даром что не шибко умный.
Паротина баба видит - делать нечего, - принесла шкатулку. Барин взглянул и сразу:
- Сколько?
Та и бухнула вовсе неслыханно. Барин рядиться. На половине сошлись, и заемную бумагу барин подписал: не было, вишь, денег-то с собой. Поставил барин перед собой шкатулку на стол да и говорит:
- Позовите-ко эту девку, про которую разговор.
Сбегали за Танюшкой. Она ничего, сразу пошла, - думала, заказ какой большой. Приходит в комнату, а там народу полно и посредине тот самый заяц, которого она тогда видела. Перед этим зайцем шкатулка - отцово подаренье. Танюшка сразу признала барина и спрашивает:

- Зачем звали?
Барин и слова сказать не может. Уставился на нее, да и все. Потом все ж таки нашел разговор:
- Ваши камни?
- Были наши, теперь вон ихние, - и показала на Паротину жену.
- Мои теперь, - похвалился барин.
- Это дело ваше.
- А хошь, подарю обратно?
- Отдаривать нечем.
- Ну, а примерить на себя ты их сможешь? Взглянуть мне охота, как эти камни на человеке придутся.
- Это, - отвечает Танюшка, - можно.
Взяла шкатулку, разобрала уборы, - привычно дело, - и живо их к месту пристроила. Барин глядит и только ахает. Ах да ах, больше и речей нет. Танюшка постояла в уборе-то и спрашивает:
- Поглядели? Будет? Мне ведь не от простой поры тут стоять - работа есть. Барин тут при всех и говорит:
- Выходи за меня замуж. Согласна?
Танюшка только усмехнулась:
- Не под стать бы ровно барину такое говорить. - Сняла уборы и ушла
Только барин не отстает. На другой день свататься приехал. Просит-молит Настасью-то: отдай за меня дочь.
Настасья говорит:
- Я с нее воли не снимаю, как она хочет, а по-моему - будто не подходит.
Танюшка слушала-слушала да и молвит:
- Вот что, не то... Слышала я, будто в царском дворце есть палата, малахитом тятиной добычи обделанная. Вот если ты в этой палате царицу мне покажешь - тогда выйду за тебя замуж.
Барин, конечно, на все согласен. Сейчас же в Сам-Петербурх стал собираться и Танюшку с собой зовет - лошадей, говорит, тебе предоставлю. А Танюшка отвечает:
- По нашему-то обряду и к венцу на жениховых лошадях невеста не ездит, а мы ведь еще никто. Потом уж об этом говорить будем, как ты свое обещанье выполнишь.
- Когда же, - спрашивает, - ты в Сам-Петербурхе будешь?
- К Покрову, - говорит, - непременно буду. Об этом не сумлевайся, а пока уезжай отсюда.
Барин уехал, Паротину жену, конечно, не взял, не глядит даже на нее. Как домой в Сам-Петербурх-от приехал, давай по всему городу славить про камни и про свою невесту. Многим шкатулку-то показывал. Ну, сильно залюбопытствовали невесту посмотреть. К осеням-то барин квартиру Танюшке приготовил, платьев всяких навез, обую, а она весточку и прислала, - тут она, живет у такой-то вдовы на самой окраине. Барин, конечно, сейчас же туда:
- Что вы! Мысленное ли дело тут проживать? Квартерка приготовлена, первый сорт! А Танюшка отвечает:
- Мне и тут хорошо.
Слух про каменья да турчаниновску невесту и до царицы дошел. Она и говорит:
- Пущай-ка Турчанинов покажет мне свою невесту. Что-то много про нее врут.
Барин к Танюшке, - дескать, приготовиться надо. Наряд такой сшить, чтобы во дворец можно, камни из малахитовой шкатулки надеть. Танюшка отвечает:
- О наряде не твоя печаль, а камни возьму на подержанье. Да, смотри, не вздумай за мной лошадей посылать. На своих буду. Жди только меня у крылечка, во дворце-то.
Барин думает - откуда у ней лошади? где платье дворцовское?-а спрашивать все ж таки не

насмелился.
Вот стали во дворец собираться. На лошадях все подъезжают, в шелках да бархатах. Турчанинов барин спозаранку у крыльца вертится - невесту свою поджидает. Другим тоже любопытно на нее поглядеть, - тут же остановились. А Танюшка надела каменья, подвязалась платочком по-заводски, шубейку свою накинула и идет себе потихонечку. Ну, народ - откуда такая? - валом за ней валит. Подошла Танюшка ко дворцу, а царские лакеи не пущают - не дозволено, говорят, заводским-то. Турчанинов барин издаля Танюшку завидел, только ему перед своими-то стыдно, что его невеста пешком, да еще в экой шубейке, он взял да и спрятался. Танюшка тут распахнула шубейку, лакеи глядят - платье-то! У царицы такого нет! - сразу пустили. А как Танюшка сняла платочек да шубейку, все кругом сахнули:
- Чья такая? Каких земель царица? А барин Турчанинов тут как тут.
- Моя невеста, - говорит.
Танюшка эдак строго на него поглядела:
- Это еще вперед поглядим! Пошто ты меня обманул - у крылечка не дождался?
Барин туда-сюда, - оплошка-де вышла. Извини, пожалуйста.
Пошли они в палаты царские, куда было велено. Глядит Танюшка - не то место. Еще строже спросила Турчанинова барина:
- Это еще что за обман? Сказано тебе, что в той палате, которая малахитом тятиной работы обделана! - И пошла по дворцу-то, как дома. А сенаторы, генералы и протчи за ней.
- Что, дескать, такое? Видно, туда велено.
Народу набралось полным-полно, и все глаз с Танюшки не сводят, а она стала к самой малахитовой стенке и ждет. Турчанинов, конечно, тут же. Лопочет ей, что ведь неладно, не в этом помещенье царица дожидаться велела. А Танюшка стоит спокойнешенько, хоть бы бровью повела, будто барина вовсе нет.
Царица вышла в комнату-то, куда назначено. Глядит - никого нет. Царицыны наушницы и доводят - турчаниновска невеста всех в малахитову палату увела. Царица поворчала, конечно, - что за самовольство! Запотопывала ногами-то. Осердилась, значит, маленько. Приходит царица в палату малахитову. Все ей кланяются, а Танюшка стоит - не шевельнется.
Царица и кричит:
- Ну-ко, показывайте мне эту самовольницу - турчаниновску невесту!
- Танюшка это услышала, вовсе брови свела, говорит барину:
- Это еще что придумал! Я велела мне царицу показать, а ты подстроил меня ей показывать. Опять обман! Видеть тебя больше не хочу! Получи свои камни!
С этим словом прислонилась к стенке малахитовой и растаяла. Только и осталось, что на стенке камни сверкают, как прилипли к тем местам, где голова была, шея, руки.
Все, конечно, перепугались, а царица в беспамятстве на пол брякнула. Засуетились, поднимать стали. Потом, когда суматоха поулеглась, приятели и говорят Турчанинову:
- Подбери хоть камни-то! Живо разворуют. Не како-нибудь место - дворец! Тут цену знают!
Турчанинов и давай хватать те каменья. Какой схватит, тот у него и свернется в капельку. Ина капля чистая, как вот слеза, ина желтая, а то опять, как кровь, густая. Так ничего и не собрал. Глядит - на полу пуговка валяется. Из бутылочного стекла на простую грань. Вовсе пустяковая. С горя он и схватил ее. Только взял в руку, а в этой пуговке, как в большом зеркале, зеленоглазая красавица в малахитовом платье, вся дорогими каменьями изукрашенная, хохочет-заливается:
- Эх ты, полоумный косой заяц! Тебе ли меня взять! Разве ты мне пара?
Барин после этого и последний умишко потерял, а пуговку не бросил. Нет-нет, да и поглядит на нее, а там все одно: стоит зеленоглазая, хохочет и обидные слова говорит. С горя барин давай-ко

пировать, долгов наделал, чуть при нем наши-то заводские с молотка не пошли.
А Паротя, как его отстранили, по кабакам пошел. До ремков пропился, а патрет тот шелковый берег.
Куда этот патрет потом девался - никому не известно.
Не поживилась и Паротина жена: под-ко получи по заемной бумаге, коли все железо и медь заложены!
Про Танюшку с той поры в нашем заводе ни слуху ни духу. Как не было.
Погоревала, конечно, Настасья, да тоже не от силы. Танюшка-то, вишь, хоть радетельница для семьи была, а все Настасье как чужая.
И то сказать, парни у Настасьи к тому времени выросли. Женились оба. Внучата пошли. Народу в избе густенько стало. Знай поворачивайся - за тем догляди, другому подай... До скуки ли тут!
Холостяжник - тот дольше не забывал. Все под Настасьиными окошками топтался. Поджидали, не появится ли у окошечка Танюшка, да так и не дождались.
Потом, конечно, оженились, а нет-нет и помянут:
- Вот-де какая у нас в заводе девка была! Другой такой в жизни не увидишь.
Да еще после этого случаю заметочка вышла. Сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали.